

ЭВА ГРИНЕРС

МЭРИ БЛАНТ

ЖЕНА МАГНАТА

Эва Гринерс Мэри Блант. Жена магната.

<https://litres.ru/73947048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прошло десять лет с тех пор, как Аглая Машинистова попала во времена гибели Титаника. Прошлую историю ей удалось разрулить.

Теперь она не Мэри Лонгшир, она - Мэри Блант. Прошло десять лет и она больше не спасает чужую империю - теперь она пытается удержать собственную.

Младшие Лонгширы выросли, и каждый из них хочет для семьи совсем разного будущего. Старые тайны никуда не исчезли, деньги по-прежнему решают слишком многое, а брак Мэри и Джона всё чаще проверяется на прочность.

Когда-то Джон пообещал сделать её женой магната. Теперь им обоим предстоит понять, чем придётся пожертвовать ради этой цели.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	42
Глава 6	55
Глава 7	66
Глава 8	78

Эва Гринерс

Мэри Блант. Жена магната.

Глава 1

Я взяла телефонную трубку, продолжая просматривать счета, разложенные по всему столу.

Бумаги лежали стопками - верфи, поставки, письма из Ливерпуля, отчёты по новым складам, какие-то бесконечные цифры, которые за последние годы стали для меня почти естественной средой обитания. Между ними нелепо затесались образцы лент для свадебных украшений, карточки рассадки гостей и записка Фредерики с просьбой «обязательно проследить, чтобы белые розы были именно белыми, а не кремовыми».

Последние две недели меня раздражало решительно всё.

Свадьба Фредерики разрасталась до масштабов государственного мероприятия и с каждым днём всё сильнее отвлекала меня от дел, которые я считала действительно важными.

Но стоило мне увидеть сияющее лицо сестры, как всякое желание отказать исчезало. Она так искренне ждала этого дня, так старательно строила в голове свою идеальную свадьбу, что я просто не могла не помочь ей собрать этот пазл

по кусочкам.

В трубке послышался знакомый голос:

- Неужели мне впервые за месяц удалось услышать тебя раньше секретаря?

Я медленно закрыла бухгалтерскую книгу.

Раздражение поднялось сразу - спокойное, привычное, давно обжившееся внутри меня чувство.

- Я так понимаю, если слышу тебя лично, - произнесла я, - ты не приедешь сегодня.

На другом конце линии повисла пауза. Он выдохнул.

- Мэри...

- На свадьбу Фредерики, Джон!

- Я не успеваю выехать из Манчестера сегодня вечером. Завтра утром встреча с людьми из Нью-Йорка. Если я её сорву, мы потеряем контракт и выход американский рынок.

- Какое несчастье! - В своём голосе я почувствовала противный холод и сарказм, но сдержаться не могла.

Джон продолжил:

- Речь идёт примерно о тридцати тысячах фунтов. И это новый уровень, Мэри. Мы долго этого ждали. Это не просто тридцать тысяч, это...

Я закрыла глаза. Разумеется. Всегда цифры. Всегда контракты.

Всегда ещё один завод, ещё одна верфь, ещё один проект, который нельзя отложить ни на день, потому что иначе рухнет половина мира.

- Ты даже сейчас говоришь со мной так, будто разговариваешь с банковским советом.

- А ты говоришь так, будто эти деньги и новые возможности возникают из воздуха.

- Нет, Джон. Я говорю так, будто завтра выходит замуж девочка, которую мы оба поднимали на ноги последние десять лет.

Он шумно выдохнул.

Я почти увидела, как он проводит рукой по лицу - устало, раздражённо, пытаюсь удержать спокойствие.

- Я приеду к самой церемонии.

- Разумеется. Великое одолжение.

- Мэри...

- Нет, объясни мне одну вещь. Тебе самому не кажется, что ты слегка заигрался во всё это?

- Во что именно?

- В магната, Джон! - не выдержала я. - В великого промышленника!

Несколько секунд в трубке было тихо.

А потом он произнёс очень спокойно:

- По-моему, всё началось именно с того, что ты однажды заявила мне, что я обязан стать богатейшим человеком в этой стране.

Это было нечестно. Именно поэтому попало точно в цель.

Я почувствовала, как внутри мгновенно вспыхнула злость - не на него даже, а на саму себя. Потому что он был прав.

Когда-то это действительно казалось почти шуткой. Красивым обещанием. Вызовом судьбе. Мы оба тогда были совсем другими.

- Знаешь что? - тихо сказала я. - Иногда мне начинает казаться, что тебе уже давно нравится не обещание, которое ты дал мне. Тебе нравится сама игра.

- А тебе не приходит в голову, что я делаю всё это ещё и ради нас, а не ради красивых слов?

- Нас? - переспросила я. - Очень любезно с твоей стороны иногда вспоминать, что мы существуем.

- Ты несправедлива.

- А ты отсутствуешь. Всегда.

Я резко опустила трубку на рычаг прежде, чем Джон успел ответить.

В кабинете стало тихо.

Только часы на камине продолжали мерно отсчитывать секунды.

Я несколько мгновений сидела неподвижно, глядя на бумаги перед собой, но цифры расплывались перед глазами. Раздражение всё ещё кипело внутри, смешиваясь с каким-то глупым, совершенно ненужным ощущением обиды.

В дверь коротко постучали.

Не дожидаясь ответа, в кабинет вошёл Фред.

Точнее, теперь уже следовало признать - Фредерик Лонгшир-младший, молодой джентльмен двадцати трёх лет, убеждённый, что весь мир существует исключительно для

того, чтобы однажды перейти к нему по наследству.

Он был удивительно хорош собой. Высокий, светловолосый, безукоризненно одетый - даже дома Фред выглядел так, словно через пять минут собирался на страницы светской хроники. Дорогой жилет сидел на нём идеально, тёмные перчатки он держал в руке с ленивой небрежностью человека, который с детства привык к красивым вещам.

Следом вошла Грета.

И вот от неё у меня каждый раз возникало странное чувство.

Потому что временами она напоминала мне... меня саму.

Те же светлые глаза, только более холодного оттенка. Та же привычка смотреть на людей чуть внимательнее, чем им хотелось бы. Тот же спокойный, собранный вид.

Только Грета была куда современнее.

Тонкая, изящная, в строгом тёмно-синем платье без лишних украшений, она носила маленькие круглые очки в золотой оправе и совершенно не пыталась казаться мягче или женственнее ради чужого удобства.

- Судя по выражению твоего лица, - заметила она, закрывая за собой дверь, - мистер Блант опять решил купить половину Британской империи.

Фред усмехнулся и развалился в кресле напротив моего стола.

- Нет, Грета. Половина у него уже есть. Видимо, речь идёт о второй половине.

Я невольно фыркнула.

И только тогда почувствовала, что напряжение внутри немного отпустило.

- Так, всё, - я устало махнула рукой. - Сегодня хотя бы попробуем не обсуждать Джона. Завтра свадьба Фредерики, и мне совершенно не хочется встречать гостей в скверном настроении.

Фред ухмыльнулся.

Грета только поправила очки и устроилась в кресле напротив моего стола.

- Ну? - спросила я, подходя к столику с графином воды. - Вы хотя бы готовы к завтрашнему дню?

- Я - безусловно, - заявил Фред с видом человека, оказывающего обществу величайшее одолжение одним фактом собственного существования.

Он лениво закинул ногу на ногу и машинально провёл пальцем по идеально отполированному ногтю.

Господи, какие же у него были ухоженные руки.

Иногда мне казалось, что времени на собственную внешность этот юноша тратил больше, чем иные молодые леди Лондона. Безукоризненный костюм, идеально уложенные волосы, дорогой аромат, который ощущался даже на расстоянии нескольких шагов - Фред явно наслаждался тем, что вырós красивым молодым мужчиной. И прекрасно это знал.

- Моё присутствие уже делает мероприятие успешным, - добавил он усмехаясь.

- Да, особенно если гостей внезапно заинтересует выставка самовлюблённых павлинов, - сухо заметила Грета.

Я фыркнула в стакан с водой.

- А ты?

- Всё, что ты поручила, сделано, - спокойно ответила Грета. - Музыканты прибыли. Цветы тоже. Поставщики наконец перестали пытаться нас обмануть.

- После того как ты довела до нервного тика беднягу-кондитера, они теперь вообще боятся смотреть тебе в глаза, - вставил Фред.

- И правильно делают.

Я уже собиралась вернуть разговор к завтрашней церемонии, когда Грета вдруг словно вспомнила что-то важное.

- Ах да. Мы забыли тебе сказать.

Я сразу насторожилась.

- Это никогда не звучит хорошо.

Фред тяжело вздохнул:

- Каролина приехала.

Я замерла. Ещё и с этим разбираться.

- Уже?

- Только что, - кивнула Грета. - Вместе с мальчиком.

Я медленно поставила стакан обратно на стол.

На несколько секунд в кабинете стало тихо.

- И как... всё прошло? Вы встретили их как положено?

Фред неопределённо повёл рукой.

- Ну, если не считать того, что мне снова пришлось делать

вид, будто присутствие бастарда в семье - совершенно нормальная вещь...

- Фред! - одновременно оборвали его мы с Гретой.

Он раздражённо поморщился.

- Что? Я сказал то, что думают все.

- Нет, - резко ответила Грета. - Это то, что думаешь ты.

- А разве это неправда?

- Тебе самому не стыдно так говорить о ребёнке?

Фред пожал плечами:

- Ребёнку уже десять лет, между прочим. Не надо делать вид, будто он ничего не понимает.

- Тем более! - вспыхнула Грета. - Он-то в чём виноват?

- Господи, да ни в чём он не виноват, - отмахнулся Фред.

- Но это не отменяет того факта, что вся ситуация выглядит довольно... неудобно.

- Неудобно для кого? Для тебя?

- Для семьи вообще-то.

Грета подалась вперёд.

- Нет, Фред. Для семьи неудобно - это когда взрослый мужчина ведёт себя как избалованный мальчишка каждый раз, когда речь заходит о деньгах и наследстве.

Он медленно выпрямился в кресле.

- Вот только не начинай.

- Почему? Потому что я говорю правду?

- Потому что ты постоянно делаешь вид, будто я обязан радостно принять тот факт, что у нашего отца был ребёнок

от любовницы.

Я устало прикрыла глаза.

Вот именно этого разговора мне сегодня и не хватало.

- Фред...

Но он уже завёлся:

- Нет, Мэри, серьёзно. Я прекрасно понимаю твоё великодушие. Правда. Купить им квартиру, оплачивать образование мальчика - замечательно. Очень благородно. Но почему теперь все смотрят на меня так, будто я должен немедленно объявить его своим любимым братом?

- Никто этого от тебя не требует, - холодно сказала Грета.

- Тогда чего вы от меня хотите?

- Хотя бы минимального приличия.

Он нервно усмехнулся:

- Ах, да. Любимое слово женщин нашего семейства.

- Потому что кто-то же должен думать головой, - огрызнулась она.

- А кто-то должен думать о том, что происходит с состоянием семьи!

- Состояние семьи за последние десять лет увеличилось почти втрое, если ты вдруг не заметил.

- Благодаря Мэри и Бланту, а не благодаря лицемерным семейным ценностям!

- Достаточно! - резко оборвала я их обоих.

Они замолчали.

Я медленно опустила обратно в кресло и посмотрела

сначала на одного, потом на другую.

И вдруг совершенно ясно поняла, насколько взрослыми они стали.

Фред - красивый, избалованный, вспыльчивый, уже почти отчаянно цепляющийся за своё право быть единственным наследником.

Грета - холодная, умная, слишком наблюдательная, слишком рано научившаяся видеть людей насквозь.

И оба сейчас спорили уже не как дети, а как взрослые люди, которым однажды действительно придётся делить между собой огромную империю.

Империю, построенную на слишком большом количестве чужих ошибок.

Глава 2

Утро свадебного приёма началось с такого шума, словно наш дом собирался принимать не несколько десятков гостей, а по меньшей мере половину Лондона.

С самого рассвета хлопали двери, по лестницам бегали служанки с коробками и цветами, из кухни доносился звон посуды и раздражённый голос нашей кухарки, уверенной, что именно сегодня её окончательно решили свести с ума нанятые повара.

Наверху царил настоящий хаос.

К Фредерике прибыли сразу две модистки - помогать ей справиться со свадебным нарядом. А также парикмахер из главного лондонского салона “Труфитт” - услугами которого пользовались едва ли не половина аристократии Худой нервный человек с серебряными ножницами в длинных пальцах разговаривал так, словно готовил к коронации саму королеву.

- Нет, нет, эти шпильки совершенно не подходят! Кто вообще принёс их сюда?

Я невольно улыбнулась, наблюдая за этим бедствием из соседнего кресла.

Моими волосами занималась собственная горничная. Она уже уложила их волнами и теперь осторожно закрепляла душистым лаком.

Я взглянула на себя в зеркало.

Возраст удивительным образом сделал из милейшей Мэри Лонгшир женщину, на которую теперь смотрели иначе. В юности меня называли хорошенькой. Теперь же в моей внешности всё отчётливее проступала та самая Аглая-Дизель, в теле которой мне когда-то пришлось прожить целую жизнь.

Иногда мне казалось, что я почти перестала замечать эту перемену, потому что давно стала самой собой - Машинистой.

Черты моего лица стали жёстче, взгляд - спокойнее и тяжелее, осанка приобрела ту уверенность, которая появляется лишь у женщин, привыкших к власти, деньгам и уважению окружающих. И вместе с тем пришла совершенно иная красота - холодная, безупречная, почти пугающая своей завершенностью. У юной Аглаи никогда не было такого лица. Да и у Мэри Лонгшир - тоже.

Я научилась носить дорогие платья так, будто родилась в них. Научилась улыбаться ровно настолько, насколько того требовал этикет. И казалось, что в глазах этот холод был только от деловитости. Но это было не совсем так.

Наш брак с Джоном оказался спокойным, прочным и уважительным, но наследниками судьба нас и не одарила. Со временем я научилась не думать об этом ежедневно...

Но малыша не хватало. Потому-то мне и было так радостно узнать о приезде Каролины. Мы не успели поздороваться

накануне, но я с искренней теплотой ждала встречи с ней и с её сынишкой.

Я как раз спускалась вниз, придерживая юбку, когда входная дверь распахнулась, впуская в холл прохладный воздух, а вслед за ним - звонкий мальчишеский голос:

- Тётя Мэри!

Видимо, они вернулись с прогулки в саду.

Прежде чем я успела ответить, ко мне уже нёсся темноволосяй мальчишка.

- Поздравляю вас! Вы сегодня такая красивая! Хотя мама сказала, что самой красивой сегодня должна быть Фредерика.

- Твоя мама - очень мудрая женщина, - рассмеялась я, обнимая его.

Господи, до чего же очаровательным ребёнком был Артур.

Не избалованным, не капризным - просто удивительно живым и тёплым. Он говорил быстро, смотрел прямо в глаза и улыбался так искренне, что рядом с ним невозможно было сохранять привычную светскую холодность.

И, что удивительнее всего, он мгновенно располагал к себе людей.

Теперь я окончательно понимала, в кого именно он пошёл.

Лорд Лонгшир в молодости обладал точно таким же обаянием - редким и почти опасным умением заставлять людей

чувствовать себя рядом с ним легко и свободно.

- Я почти взрослый мужчина, - сообщил Артур с невероятной серьёзностью. - Поэтому мама разрешила мне ехать в одном экипаже со взрослыми.

- В таком случае вам придётся вести себя соответствующе, сэр.

- Я и собираюсь. А пирожные к завтраку есть?

Я рассмеялась. Сладёна!

Каролина в это время стояла чуть поодаль, снимая перчатки, и наблюдала за нами с тихой улыбкой.

Материнство изменило её очень сильно.

Когда-то Каролина жила так, будто постоянно ждала чего-то от судьбы - любви, признания, восхищения, красивой жизни. Теперь же вся её жизнь сосредоточилась в одном мальчишке, и именно это неожиданно принесло ей покой.

Она стала мягче. Тише. Даже красивее.

Не той красотой, которую создают удачное платье и драгоценности, а той, что появляется у женщин, наконец нашедших смысл собственной жизни.

- Ты прекрасно выглядишь, - сказала я, подходя ближе.

- А ты выглядишь как королева. Смотри не переплунь невесту. Кстати, как у вас с Джоном?

Я бросила на неё быстрый взгляд.

- Не понимаю, о чём ты.

- Разумеется.

Всё-таки от прежней Каролины кое-что осталось. Язва.

Артур тем временем уже успел заинтересоваться огромной цветочной композицией у лестницы и теперь рассматривал её.

Моё решение стать его крёстной матерью когда-то вызвало у Фреда острый гнев. Особенно после того, как он узнал, что я собираюсь оплачивать Артуру образование и приобрести для него квартиру в Лондоне.

Впрочем, распоряжалась я исключительно собственными средствами - от верфи, и Джон внёс половину.

И если уж быть до конца честной - никогда не считала эти деньги потраченными зря.

- Мама говорит, что вы подарили мне университет ещё до того, как я научился нормально писать, - внезапно сообщил Артур, снова появляясь рядом. - Поэтому теперь я обязан стать очень умным человеком.

- Это весьма разумное решение.

- Хотя наш почтенный сосед считает, что мне достаточно быть обаятельным.

Я едва не рассмеялась.

- Артур, он не вполне прав, этого недостаточно.

Я невольно отвлеклась от разговора, когда со стороны лестницы послышались голоса.

По лестнице медленно спускались заметно постаревший мистер Фрэнсис Грей и милейший Бэрнс.

Фрэнсис почти не изменился в своей сути - всё тот же лёг-

кий, чуть восторженный человек, каким я помнила его всегда, только время словно уменьшило его фигуру, добавило морщин, сделало движения осторожнее. И всё же в нём по-прежнему оставалось что-то удивительно светлое.

Сегодня он был особенно наряден: костюм мягкого мятного оттенка и пышный розовый бант у воротника делали его почти театральным - неуместным и одновременно совершенно естественным для него. Он выглядел так, словно сам был частью убранства, одной из самых живых деталей сегодняшнего утра.

Рядом с ним шёл Бэрнс - в строгом чёрном костюме, без единой лишней детали, он держался с той спокойной собранностью, которая всегда казалась неизменной. Возраст лишь добавил ему веса и медлительности, но не лишил внутренней устойчивости.

Он поддерживал Фрэнсиса под локоть с естественной, давно привычной заботой - так, как делают люди, между которыми давно установился негласный порядок вещей: один позволяет себя вести, другой следит, чтобы никто не сбился с шага.

- Вы выбрали удивительно светлый наряд, - заметил Бэрнс.

- Разве этот не день для света? - отозвался Фрэнсис, чуть приподнимая брови. - Свадьба, дом полон людей... Я не мог позволить себе выглядеть мрачно.

- Вы никогда и не позволяли, - спокойно сказал Бэрнс.

Фрэнсис улыбнулся, довольный этим наблюдением.

- А вы, как всегда, в чёрном. Вы будто пришли не на праздник, а следить за тем, чтобы он не вышел из-под контроля.

- Праздники часто выходят из-под контроля, - ответил Бэрнс. - Особенно когда гости разгуляются.

Фрэнсис громко рассмеялся.

- И всё же приятно видеть этот дом таким. Полным людей, голосов... Кстати, обратите внимание на эту лепнину... Хороша, верно?

- Мистер Грей, кхгм... Я просто долго здесь жил.

- Прошу прощения, но и я тоже...

Они были так милы и забавны и я поспешила им навстречу.

Старички спустились к подножию лестницы, и Фрэнсис на мгновение задержал взгляд на зале, где уже начинало собираться всё больше гостей.

- Всё-таки удивительно, - сказал он мягче. - Как жизнь умеет наполнять старые стены новым смыслом.

- Мистер Грей, вы как обычно, - ответил Бэрнс. - Вам всё хочется наполнить смыслом. Вот сюда шагайте, аккуратнее - тут порожек.

Фрэнсис кивнул.

В этом странном сочетании - яркого, праздничного Фрэнсиса и строгого, собранного Бэрнса во фраке было что-то удивительно правильное. Как будто сам дом на мгновение отразился в двух разных людях.

Наверное, поэтому я вдруг подумала, что и сама давно живу сразу двумя жизнями. Где-то глубоко внутри всё ещё существовала Аглая, чужая этому времени, привыкшая смотреть на происходящее словно со стороны. А рядом с ней давно жила другая женщина - Мэри, для которой этот дом, эти люди и даже их бесконечные семейные споры стали чем-то по-настоящему своим.

Фредерика, мечтавшая о красивой жизни. Колючий, самовлюблённый Фред. Серьёзная, слишком мудрая для своих лет Грета. Такие разные, временами совершенно невыносимые - и всё равно уже родные мне до боли.

Только чего-то не хватало для настоящего счастья.

Глава 3

Я стояла в холле, проверяя в последний раз, всё ли идёт по плану, когда горничная поспешно поднялась по лестнице и, сбиваясь, сообщила, что мисс Фредерика требует меня наверх немедленно.

Я не успела даже переспросить.

Подходя к комнате, я услышала ее голос.

- Не могу в это поверить! - почти сорвалось у неё, едва я вошла. - Это правда, что Джон не приехал?

Фредерика металась по комнате как тигра в клетке, словно пространство стало ей тесно. Несмотря на возмущённое состояние и хаотичные нервные движения, выглядела она роскошно.

Платье было создано так, чтобы не просто подчеркнуть её положение, а буквально заявить о нём.

Тяжёлый шёлк цвета слоновой кости мягко переливался при каждом движении, будто живой. Корсаж с глубоким, но благородным вырезом, обрамлённым тончайшим кружевом ручной работы, был плотно скроен по фигуре. Талия перехвачена узким поясом из атласа с маленькой жемчужной пряжкой - единственным акцентом, не считая драгоценностей.

Юбка расходилась мягкими складками от стройных бедер.

Рукава были длинными, полупрозрачными, облегающими руки и заканчивающимися у запястий маленькими пуговицами из перламутра.

В этом платье не было вычурности - только хороший вкус и спокойная роскошь.

- И кто тогда поведёт меня к алтарю?! - она резко остановилась и уставилась на меня. - Боже я не выйду к людям. Просто не выйду. Это унижение. Что скажет семья Уильяма?!

Я закрыла за собой дверь спокойнее, чем мне хотелось бы.

- Во-первых, перестань так волноваться, - сказала я ровно, - Джон может успеть.

- Может?! - она почти сорвалась на крик. - А если не успеет? Нам выезжать через полчаса!

Я не давала ей уйти в истерику дальше. Подошла и попыталась обнять за плечи.

- Дорогая, послушай. Тогда мы найдём другой выход. Не дай себе испортить свой самый прекрасный день.

Она резко рассмеялась, нервно, без радости. Наверное потому, что она шла к этому самому дню долгих четыре года, не давая себе вздохнуть.

- Это всё болтовня, Мэри! Какой ещё выход? Кто поведёт меня? Фред? Этот сопляк, который наверное уже нализался шампанским? - лицо её скривилось, она готова была разрыдаться.

Я поняла, что если буду её жалеть, то она точно распла-

чется безобразно.

- Не стоит сейчас так о нём. Он прекрасно выглядит и ведёт себя как подобает случаю. Для всех будет естественно, если это будет твой брат.

- Мэри! Со мной должен идти кто-то более достойный! - Фредерика шагнула ближе, голос её звенел. - Я не могу выйти к алтарю с кем попало!

- Тогда давай без эмоций, - перебила я. - Есть варианты. Это может быть друг семьи. Или

- Да кто вообще остался?! - она всплеснула руками. - С улицы кого-то привести?

Я на секунду замолчала, оценивая ситуацию.

- Бернс, - сказала я наконец.

- Что?! - она уставилась на меня так, будто я предложила что-то неприличное. - Дворецкий?!

- Он знает эту семью с момента рождения всех вас. Он был рядом, когда многие из «достойных» ещё не умели держать вилку. - я ответила резковато. Эта волынка начинала мне надоедать

- О нет, - простонала она. - Это просто позор. Уильям бросит меня прямо у алтаря!

- Если будешь истерить, вместо того, чтобы сиять от счастья, - спокойно ответила я, - бросит обязательно. И весь Лондон будет хохотать над тобой. А твоя несостоявшаяся свекровь - громче всех.

Это был контрольный выстрел и довольно провокацион-

ный с моей стороны. Но я знала как это подействует.

Она отвернулась, сжав губы, буркнула:

- Я не выйду.

- Милая, - снова сменила я тактику, - давай решим прямо сейчас: Бернс или Фред?

- Нуууу Тогда пусть будет

В этот момент в дверь постучали.

- Миссис Блант, - раздалось снаружи.

Я обернулась.

- Немного позже, пожалуйста!

- Мистер Блант прибыл. Попросил доложить вам.

Фредерика замерла. А потом её лицо мгновенно изменилось.

- О, боже Джон приехал! - выдохнула она. - Он обещал!

Он всё-таки сделал это

Она почти рассмеялась от облегчения и тут же, как ребёнок, сжала кулаки:

- Я его убью за то, что заставил меня это пережить!

Я подняла взгляд.

- Фредерика, - сказала я холоднее, чем собиралась. - держи себя в руках. Джон не мальчик, и подобная фамильярность с твоей стороны неуместна.

Она недовольно поджала губы, впрочем, сияя глазами.

- Ладно ладно.

- Отлично. Теперь я ухожу предупредить гостей и через минуту ты спускаешься. Дай я посмотрю на тебя. Я никогда

не видела невесты красивее, правда. Уильям влюбится в тебя ещё раз.

Она благодарно кивнула мне.

- Спасибо, Мэри. Ты как всегда можешь всё решить.

Я рассмеялась.

- Так ничего и не случилось.

Развернувшись к двери, я услышала за спиной её счастливый выдох - тот самый, который бывает только у человека, которому вернули опору под ногами.

А уже в коридоре я подумала, что Фредерика всегда была самой лёгкой из младших. Почти воздушной. Всегда смеющейся, искристой.

И видеть её такой - нервной, чуть ли не бьющейся в истерике - мне приходилось считанные разы. Конечно, это всё из-за свадьбы. Поэтому я их и не любила никогда.

Я вышла из комнаты и на секунду остановилась в коридоре, где свет из высоких окон падал на пол длинными полосами.

Джон стоял в небольшом отдалении, рассматривая одну из картин, которую видел здесь десятки раз.

Руки спокойно сложены, в одной - алая роза.

Я медленно подошла, разглядывая его, как будто не видела много лет.

С годами он стал другим.

В молодости он был симпатичен и мил. Иногда не вполне уверен в себе. Глаза лучистые, открытый, чуть наивный

взгляд. Во всяком случае, я видела и любила его таким. Иногда мне казалось, что он стал даже красивее, чем тогда, когда я впервые его увидела. Как хорошее вино, которое с годами становится дороже.

И мне было странно. Потому что я так и не решила, радует меня это или нет. Но ведь и я изменилась в его глазах, верно ведь?

Мой муж стал человеком, на которого смотрели. К которому тянулись взгляды. Везде и всюду он неизменно становился центром внимания.

Настоящий суккуб.

Джон почувствовал моё присутствие, повернулся и улыбнулся ласково. Как будто и не было всех этих десяти лет, пронесшихся как десять дней.

Но я видела - глаза его остались такими же спокойными, почти непроницаемыми.

Муж сделал шаг ко мне и коснулся губами моей щеки - коротко, привычно, почти формально в своей нежности.

- Здравствуй, Мэри. Мне уже сообщили, - сказал он спокойно, - что невеста едва не устроила отмену церемонии. Пришлось появиться в последний момент, как джинну из бутылки.

Я чуть усмехнулась.

- Ты знал, что успеешь. А что касается Фредерики Невесты вообще редко бывают рациональны в день собственной свадьбы.

- Ты была вполне рациональна, по-моему я волновался сильнее, - усмехнулся он.

Я посмотрела на него внимательнее.

- Все люди разные, Джон. Мне приятно, что ты вспомнил день нашей свадьбы.

Однако не стала уточнять, что меня кольнул контекст в котором муж его вспомнил.

Из комнаты выбежала горничная Фредерики.

- Мистер и миссис Блант, мисс Фредерика снова начинает нервничать.

Я кивнула ей.

- У нас ещё есть несколько минут, ничего. Сейчас я спущусь к гостям и Джон пригласит Фредерику на выход. У нас всё под контролем.

- Спускайся, дорогая. Не нужно заставлять ждать невесту.
- Джон снова коснулся губами моей щеки, - Ты восхитительно выглядишь.

Я пошла вниз по лестнице.

Снизу доносился шум - голоса, движение, смех, стук каблучков, ненавязчивая музыка.

Грета стояла рядом с Фредом. Она, как всегда собранная, сдержанная, внимательная ко всему. Однако, лицо её сегодня было мягче, чем обычно. Фред изучал всё вокруг с этой своей ленивой манерой взирать на происходящее так, будто оно слегка его забавляет. Но тоже был добродушен и в хорошем настроении.

- Уверена, что Фредерика будет сегодня невероятна, - произнесла одна из гостей, проходя мимо и салютуя бокалом с шампанским.

- Разумеется, - лениво отозвался Фред. - Семье Лонгширов это стоило всего ничего.

Грета бросила на него короткий взгляд.

- Фред, не будь вульгарным хотя бы сегодня.

- Не умею быть благостным, знаешь ли

Я не стала слушать дальше, потому что в этот момент объявили, чтобы гости аплодисментами встречали невесту. И началось движение - каждому хотелось подойти поближе.

Когда Фредерика появилась на лестнице, все захлопали.

Рядом с ней шёл Джон, держа её под руку.

И я поймала себя на мысли, от которой тут же захотелось отмахнуться: они смотрелись вместе слишком хорошо.

Я тут же оборвала себя. Нелепая идея. Совершенно чуждая и мне несвойственная.

Конечно, это усталость. Просто слишком много дел одновременно. Просто один из дней, когда я чувствовала себя на свой истинный возраст.

Я заставила себя улыбнуться и смотреть дальше - на движение гостей, на улыбки, на поздравления, на то, как свадебная процессия постепенно формируется у входа.

Белые ленты на дверцах, блеск лакированных колёс, шум голосов, перекликающиеся команды кучеров и автомобили с открытым верхом.

Кто-то смеялся, кто-то махал цветами, кто-то уже обсуждал, как пройдёт вечерний приём.

Грета и Фред шли следом, всё ещё споря тихо и остро.

Фрэнсис Грей что-то весело говорил Бернсу, который терпеливо принимал этот поток жизни рядом с собой, слушая без улыбки, уважительно.

В церкви мы проводили Фредерику в небольшую комнату рядом с залом, где её уже ожидали подружки.

Первая - мисс Оливия Хартвелл - была из тех девушек, которые, кажется, рождаются уже готовыми восхищаться жизнью. Она то поправляла букет Фредерики, то восторгалась её платьем, без конца повторяя, что никогда ещё не видела такой красивой невесты.

Вторая, Элеонора Мангус, напротив, держалась спокойно и собранно. Она напоминала мне Грету своей собранностью.

- Всё будет прекрасно, - сказала я, поцеловав Фредерику в щёку. - Я пройду в зал, дорогая.

Она неожиданно поймала меня за руку.

- Подожди. В первую очередь подойди к леди Ашборн. Слышишь, Мэри? К ней первой!

Я мысленно вздохнула: «Уж придётся».

- Разумеется, милая. Ни о чём не волнуйся. Я тебя люблю.

А сама подумала, что мне хочется сейчас находиться где-нибудь далеко-далеко отсюда. На винограднике Френсиса, например. С бокальчиком вина. Или даже лучше с графинчиком.

Семейство наших почти уже будущих родственников - Ашборнов, не обладало состоянием, сопоставимым с капиталами Лонгширов. Зато оно могло похвастаться тем, чем многие старые английские семьи дорожили куда сильнее денег - происхождением. Своими корнями они, кажется, гордились почти с религиозным фанатизмом.

Именно поэтому леди Ашборн с самого начала была категорически против брака своего единственного сына с Фредерикой.

Слухи вокруг семьи Лонгширов, старая история с Реджинальдом и Каролиной, пересуды о наследстве, а потом ещё и моя собственная слишком самостоятельная роль в управлении всем состоянием - всё это вызывало у неё плохо скрываемое раздражение.

Но Уильям оказался упрям. Да и Фредерика, при всей своей внешней лёгкости, умела добиваться желаемого.

Так что последние четыре года превратились в тихое, изматывающее противостояние между будущей невесткой и потенциальной свекровью.

И вот сегодня оно наконец должно было закончиться.

Я вышла из комнаты и направилась в главный зал церкви.

Он был украшен именно так, как любила Фредерика: дорого, элегантно и без малейшего намёка на тяжеловесность. Цветочные композиции тянулись вдоль прохода, среди тёмной зелени поблёскивали ещё не раскрывшиеся кремовые бутоны роз, а высокие свечи в серебряных подсвечниках де-

дали пространство мягче и теплее.

Гости уже занимали места, негромко переговариваясь.

Я машинально поискала взглядом леди Ашборн. Та стояла с мужем и вид у неё был обманчиво-ангельский. Хрупкая изящная блондинка, возраст которой был замечен только вблизи. Отец Уильяма был крупным мужчиной с внушительным породистым носом.

Я направилась к ним и увидела Уильяма. Он уже стоял у алтаря и, несмотря на все попытки сохранить серьёзный вид в этот торжественный момент, едва был способен скрывать собственное счастье - сиял, как новенькая монетка на солнце.

«По-крайней мере, Уильям искренне любит Фредди» - подумала я, успокаивая себя.

Воцарилась тишина.

Потом раздались первые, едва слышные звуки, которые медленно разливались по залу, словно растягивая время. Аккорды органа были плавными, воздушными - лёгкая завеса музыки окутывала гостей. Затем вступили струны. Это были мягкие переливы «Канона в D» Пахельбеля, где каждая нота точно попадала в пространство, создавая ощущение торжественной гармонии. Всё вокруг будто замерло, и каждый взгляд устремился к двери, через которую вот-вот должна была появиться Фредерика в сопровождении Джона и подружек невесты.

Глава 4

Дом выглядел после шумного праздника уставшим, рас­трёпан­ным и тихим.

Ещё вчера здесь гремела музыка, смеялись гости, Фреде­рика сияла так, будто солнце решили спустить прямо в го­стиную Лонгширов, а сегодня слуги уже снимали увядшие цветочные гирлянды, осторожно уносили бокалы и пересчи­тывали забытые кем-то перчатки, веера и шляпные булавки.

Молодожёны после приёма отправились в “Клариджес” - там у них были запланированы ещё несколько вечеринок для друзей на четыре дня, а после отправлялись в свадебное пу­тешествие в Египет. Уильям мечтал увидеть древние храмы вдоль Нила, а Фредерика посетить Каир - модный в то время среди английской аристократии.

Я сидела в малой столовой с чашкой остывшего кофе и просматривала счета и письма, когда Грета вошла внутрь с пачкой бумаг под мышкой.

- Я проверила расходы, - сообщила она деловым тоном. - Нас безбожно обсчитали на доставке цветов. Сто пятнадцать процентов от стоимости заказа - недурненько. Позвоню им сегодня и любезно укажу на ошибку

- Конечно обсчитали, - устало ответила я. - Это же сва­дьба. На свадьбах людей грабят особенно вдохновенно. Ведь заказчики счастливы и щедры.

Грета чуть усмехнулась и уселась напротив.

За последние годы она стала ещё больше похожа на меня - не внешне даже, а этим своим внимательным взглядом, привычкой мгновенно подмечать слабые места и говорить о них без сантиментов. Иногда это тревожило - разве юная девушка должна быть такой прагматичной? Иногда - наоборот успокаивало. В том, что Грета не пропадёт, я была уверена.

Фред к завтраку так и не спустился.

- Наш брат жив? - спросила я.

- Более или менее, - невозмутимо ответила Грета. - Последний раз его видели около трёх часов ночи в компании двух молодых леди и нескольких ведёрок шампанского.

- Звучит прекрасно - хоть кто-то из нас умеет развлекаться. Стало быть, наследник семейства по-прежнему бесполезен.

- Зато стабилен, - заметила Грета.

Я невольно усмехнулась.

И именно в этот момент дворецкий Моррис, который сменил Бернса на посту пару лет назад, появился в дверях с видом человека, который уже заранее не одобряет всё происходящее вокруг.

- Рано утром был звонок от леди Шарлотты, мадам.

Я подняла голову.

- Ничего нового не произошло? Она в порядке?

- Нет, мадам. Только вопрос, как прошёл приём - ей интересны подробности. Но её врач от просил передать, что фи-

зически леди Шарлотта чувствует себя прекрасно. Морально страдают только окружающие.

Я кивнула.

- Ясно. Вы передали, что я собираюсь туда сегодня?

- Как вы и просили.

- Спасибо, Моррис. Я поеду примерно через час. Попросите горничную проверить вещи.

Несколько лет назад Шарлотта окончательно перебралась в старую усадьбу и, кажется, впервые в жизни стала по-настоящему счастлива. Завела пятерых котов, бесконечно спорила с садовником, лично варила варенье, выращивала розы и с таким воодушевлением обсуждала сорта яблок и груш, будто речь шла как минимум о международной политике.

А недавно полезла самостоятельно обрезать дерево - садовник, по её мнению, делал это непрофессионально.

Как и следовало ожидать, со стремянки она упала. И сломала ногу аж в трёх местах. И теперь терроризировала врача, сиделку и весь дом, изнывая со скуки от безделья.

- Возьми с собой бутылочку виски и терпение, - посоветовала Грета. - Пригодится и первое и второе.

- Лучше не бутылочку, а несколько, - зевая посоветовал появившийся в дверях Фред. Судя по его виду, ночка выдалась бурной.

Ехать в поместье я планировала одна. Мысль о нескольких днях в компании Шарлотты, её котов и яблочного варенья казалась весьма привлекательной.

Поэтому, когда Джон на приёме сообщил мне между делом, что едет со мной, я слегка опешила.

- Серьёзно? - переспросила я. - В деревню?

- А ты против?

- Да нет конечно, я буду рада. А Шарлотта так вообще счастлива. Но как же американские инвесторы?

Он чуть усмехнулся.

- Их развлекают по моей просьбе на всю катушку. Не буду рассказывать тебе всех подробностей, но они точно не вспомнят обо мне в ближайшие пару дней.

Это было так непохоже на него - отложить дела. Я внимательно посмотрела на него. Значит, какое-то дело здесь было для него важнее.

Автомобиль мягко покачивался на поворотах, за окнами тянулись поля, редкие деревни и мокрые после ночного дождя изгороди.

Некоторое время мы ехали молча. Потом Джон неожиданно сказал:

- Американцы снова подняли предложение.

Я повернула голову.

- По верфи?

- Да.

Он произнёс это спокойно, как будто речь шла о продаже лишнего автомобиля.

- И?

- Сейчас идеальный момент для продажи части активов.

Рынок перегрет. Через несколько лет ситуация изменится.

Я молчала.

Он продолжил уже тем деловым тоном, который за последние годы стал почти частью его самого:

- Да ты и сама всё это знаешь - судостроение дорожает. Конкуренция растёт. Американцы готовы вложить огромные деньги в расширение сети. Если всё сделать правильно, через пять лет Бланты выйдут на их рынок полноценно.

- Ты говоришь так, будто эта верфь - просто строчка в бухгалтерской книге.

- А что это ещё?

Я резко посмотрела на него, а он даже не повысил голос, объясняя мне что-то для него очевидное.

- Бизнес либо растёт, либо умирает, Мэри. Сейчас этот бизнес достиг своего пика. Пора обновляться, чтобы получить больше.

Несколько секунд я смотрела в окно. Когда-то именно я была человеком, который мыслил только рационально. Цифрами. Выгодой. Перспективами.

Но теперь Джон переплюнул даже меня. И это пугало.

Не потому что он был неправ. А потому что иногда мне начинало казаться: он уже просто не умеет останавливаться.

- Когда-то ты был сентиментальнее, - тихо сказала я.

- Когда-то я был беднее и мог себе это позволить.

- А сейчас не можешь?

Он усмехнулся.

- Сейчас я наконец становлюсь тем человеком, которым обещал стать.

Я хотела ответить, что давно уже готова послать этого долгожданного человека ко всем чертям, но в этот момент автомобиль резко дёрнулся и остановился.

- Прекрасно, - спокойно сообщил Джон. - Мы застряли. И стал стягивать дорогие туфли и носки.

Через минуту он уже стоял по щиколотку в грязи, пытаюсь вытолкнуть автомобиль, ругаясь совершенно не по-джентльменски. Он поднял на меня глаза, рассерженный и выглядел при этом так смешно и молодо, что я расхохоталась до слёз.

Он поднял голову, посмотрел на меня - и тоже рассмеялся.

На короткое мгновение мне показалось, что мы снова стали теми людьми, которыми были когда-то.

Я тоже разулась и стала помогать ему подкладывать камни под увязшее колесо. Мы оба были перемазаны, как дети в песочнице. Тему разговора о верфи Джон благоразумно сменил на обсуждение свадьбы. Но я знала, что разговор этот не окончен.

Когда мы подъехали к усадьбе, уже стемнело. В окнах первого этажа горел свет, а у самого крыльца нас встретили два кота - рыжий и чёрный. Рыжий тут же начал тереться о ноги Джона, чёрный смотрел с таким видом, будто именно он здесь хозяин, а мы непрошенные гости.

Дверь открыла горничная.

- Леди Шарлотта ждёт вас в гостиной ещё с обеда. С при-

ездом, миссис Блант, мистер Блант!

Шарлотта действительно ждала нас там. Она сидела в инвалидном кресле, вытянув вперёд загипсованную ногу, и выглядела как капитан Флинт. С кошкой вместо попугая.

За эти годы она заметно постарела. Волосы почти совсем поседели, лицо стало тоньше, но глаза остались такими же живыми и насмешливыми.

- Господи, ну и вид у вас, - заявила она вместо приветствия. - Вы что, пешком сюда шли? Или даже ползли? Тогда понятно, почему вы так задержались, между прочим

Я рассмеялась и перебила её

- Прости, что заставила тебя ждать. Мы застряли по дороге. Джону пришлось толкать автомобиль.

- Хорошо, что тепло, - прокомментировал Джон. - Милая Шарлотта, позвольте я вас поцелую.

Тётя довольно улыбнулась и протянула ему руку.

- Ах, Джон, как я рада вас видеть. Мэри, дорогая, тебя, конечно, тоже.

Я кивнула. Конечно же, тоже. Джон был вне конкуренции. Впрочем, я была довольна, что тётينو внимание будет распределено между нами.

Она тут же начала командовать прислугой:

- Несите чай. Нет, сначала горячее. И пирог тоже несите. Все же голодные. Где Томас? Почему гости стоят? Боже мой, да кто-нибудь снимет наконец с Джона пальто? Его надо почистить. Не Джона, а пальто.

Вокруг нас возникла бестолковая суета. Коты крутились под ногами, прислуга толкалась, мешая друг другу.

Джон подошёл к окну и посмотрел в сторону сада.

- Розарий выглядит прекрасно. Даже в темноте видно, как он разросся.

Шарлотта буквально просияла.

- Ах, Джон, ты заметил! Я сама занималась новыми кустами у южной дорожки. Теперь вот катаюсь мимо них на этом вот тарантасе.

- Врач сказал, что физически вы чувствуете себя прекрасно, - заметил Джон.

- И конечно же добавил, что морально страдают только окружающие, - тут же перебила Шарлотта. - Эта шутка уже не смешная и старая, она мне надоела.

Через несколько минут она буквально выгнала нас переодеваться.

- Мэри, поднимайся в вашу спальню. Джон, а ты иди в гостевую ванную, иначе до ужина вы будете отмываться до ночи.

Когда мы спустились вниз, стол уже был накрыт.

- Ну? - потребовала она. - Рассказывайте про свадьбу.

- Всё прошло спокойно, - сказала я. - Было очень красиво и трогательно.

Шарлотта подняла брови.

- Неужели? Значит, эта Ашборн не испортила нашей девочке праздник? Если что - я всё равно узнаю, и такое ей

напишу! - Шарлотта воинственно задрала подбородок.

- Нет-нет, тётя, всё было великолепно.

- Фредерика счастлива, - сказал Джон. - Это главное.

- А где молодожёны сейчас?

- В «Клариджесе», - ответила я. - С друзьями. А в субботу они отплывают в Египет.

- Египет! - Шарлотта довольно откинулась на спинку кресла. - Ну хоть кто-то в этой семье умеет отдыхать со вкусом. Если бы не мои котики, я тоже махнула бы в Египет. Это так модно сейчас. Но разве я могу их оставить? А почему бы вам не поехать, Мэри?

Она ещё долго расспрашивала нас о церемонии, платье Фредерики и гостях, а потом вдруг махнула рукой:

- Всё. Хватит. Вы оба выглядите так, будто сейчас уснёте прямо за столом. Идите отдыхать. Завтра будем пить кофе в саду.

Мы с Джоном поднялись наверх.

И только подойдя к двери спальни, я вдруг поняла, что в одной постели мы не спали уже несколько месяцев.

Глава 5

Я долго не могла уснуть. Дом Шарлотты, казалось, был создан для покоя: старые стены чуть слышно потрескивали после дневного тепла, за окном в темноте шевелился сад, и от розария, даже ночью, тянуло влажным сладким запахом. Где-то внизу, наверное у кухни, лениво мяукнул кот; потом снова стало тихо, так тихо, что собственные мысли начали звучать слишком отчётливо.

В Лондоне мне редко удавалось слышать их так ясно. Там всегда было чем заглушить любую тревогу: письмами, счётами, звонками, распоряжениями, приходом Греты, возмущением Фреда, чьими-то просьбами, ошибками управляющих, бесконечными делами. Даже тишина там была деловой. А здесь, в этой старой усадьбе, где теперь Шарлотта командовала миром из инвалидного кресла, а коты ходили по коридорам с видом законных владельцев, вдруг оказалось, что мне некуда от себя деться.

Когда мы поднялись, Джон без колебаний прошёл в соседнюю комнату - так распорядилась Шарлотта, когда нас, грязных после дороги, отправляли мыться. Вернее, в доме для нас приготовили общую спальню, но из-за всей этой суеты, из-за ванн, переодеваний, позднего ужина и усталости мы как-то естественно разошлись. Он остался в гостевой комнате с бумагами, которые, как я подозревала, всё-таки привёз

с собой, хотя утром уверял меня, что едет только навестить мою тётку.

Я лежала в темноте и всё ещё думала о том, что в одной постели мы с мужем не спали уже несколько месяцев.

Не потому, что поссорились. Не потому, что между нами произошло что-то непоправимое. Просто один раз он вернулся поздно и остался в кабинете, чтобы не будить меня. Потом я уехала на верфь раньше рассвета. Потом он был в Манчестере, Бирмингеме, Ливерпуле; потом я осталась помочь Грете, когда у той случился очередной приступ деловой горячки; потом свадьба Фредерики поглотила дом целиком. И вот из этих «потом» сложились месяцы.

Самое страшное было не в этом. Самое страшное было в том, что мы оба как будто приняли это за естественный порядок вещей.

Я повернулась на бок и прикрыла глаза. Вместо сна передо мной вдруг всплыло совсем другое время: виноградник Фрэнсиса Грея, тёплый день, смех Джона и моя собственная нелепая гордость, с которой я уверяла его, что прекрасно дойду сама, хотя подвернула лодыжку так, что едва могла наступить на ногу. Тогда мы забрели в рощицу за южным склоном, я оступилась на корне, вскрикнула от боли, и Джон сначала испугался так сильно, что это почти рассердило меня. А потом поднял меня на руки и понёс обратно, целый час, может быть больше, через траву, по узкой дорожке между лозами, умудряясь при этом ворчать, смеяться и целовать

меня всякий раз, когда я начинала возмущаться.

Я помнила его руки, его дыхание, припекающее солнце, то странное чувство, от которого тогда почти кружилась голова: меня любили. Не просто уважали, не только ценили, считая полезной, сильной, умной, необходимой. Любили - просто, жадно, совершенно.

Я села на кровати.

В комнате было темно, только из-под шторы падала слабая полоска лунного света. Я вдруг поняла, что не могу больше лежать здесь и делать вид, будто всё это - усталость, возраст, дела, неизбежная плата за жизнь, которую мы сами выбрали.

Я накинула халат и вышла в коридор. Там было заметно холоднее, чем в спальне. Доски чуть поскрипывали под ногами, и я сразу увидела свет в библиотеке. Разумеется. Конечно. Где же ещё мог быть Джон среди ночи, если не там, где стоял письменный стол.

Он сидел без пиджака, с расстёгнутым воротом рубашки, и читал какой-то документ. На столе лежали несколько телеграмм, карандаш, раскрытая папка и чашка давно остывшего чая.

Я остановилась в дверях.

- Поработать можно было и дома.

Он поднял голову не сразу. Сначала, кажется, дочитал строку, потом аккуратно положил бумагу на стол.

- Ты не спишь?

- Ну как видишь.

Он посмотрел на меня внимательнее. В полумраке лицо его казалось жёстче, чем днём; тени подчёркивали скулы и складку у губ, появившуюся за последние годы. Когда-то я бы подошла к нему без всяких слов, села бы на подлокотник кресла, провела бы рукой по его волосам. Теперь я стояла у двери, и между нами как будто пролегали километры.

- Я хотел просмотреть бумаги утром, - сказал он.

- Но они сами раскрылись ночью и заставили тебя работать.

- Мэри

- Нет, не начинай этим тоном. Я знаю его слишком хорошо. Сейчас ты скажешь, что это важно, что встреча с американцами требует подготовки, что один неверный пункт в контракте может стоить нам слишком дорого, а я снова должна буду почувствовать себя глупой женщиной, которая мешает великому делу.

Он откинулся на спинку кресла. Взгляд его стал колючим.

- Я никогда не считал тебя глупой женщиной, напротив - всегда восхищался твоими деловыми качествами.

- Зато всё чаще обращаешься со мной так, будто я часть совета директоров, которому достаточно изложить финансовые основания твоего отсутствия.

- А ты хочешь, чтобы я лгал?

- Я хочу, чтобы ты хоть иногда помнил: я не только человек, которому можно сообщить сумму сделки.

Он молчал. Это было хуже возражений. Я подошла ближе, остановилась у противоположного края стола и взглянула на бумаги зло, будто именно они были виноваты в том, что я сейчас стою здесь босая, в халате, с таким чувством, словно наконец решила открыть дверь в комнату, куда давно боялась заглянуть.

- Ты помнишь, когда мы последний раз ужинали вдвоём?
- спросила я.

Он нахмурился, и эта пауза стала ответом.

- Вот именно, - сказала я.

- Последние месяцы были сложными.

- Последние годы были сложными, Джон. Но когда-то среди всей этой сложности мы находили друг друга.

Он встал. Движение было резким, но не сердитым; скорее нервным.

- Ты думаешь, я не замечаю?

- Не знаю. Иногда мне кажется, что если я исчезну на пару месяцев, ты заметишь это раньше по задержанным подписям, чем по моему отсутствию в доме.

Он вздрогнул. Едва заметно, но я увидела.

- Это жестоко.

- Да. Наверное. Но я не пришла сюда быть доброй. Я слишком долго была разумной и понимающей.

Он провёл рукой по лицу, и в этом жесте вдруг проступил не магнат, не человек, которого в конторах слушали, затаив дыхание, не мужчина, при виде которого женщины на приё-

мах расцветали трепетными улыбками, стоило ему войти в зал, а просто мой муж. Усталый. Измотанный. И от этого почему-то ещё более далёкий.

- Что ты хочешь от меня услышать? - спросил он.

- Правду.

- О чём?

Я усмехнулась, но усмешка вышла неудачной.

- Вот это самое страшное. Мы дошли до того, что ты даже не понимаешь, о чём я спрашиваю.

Он шагнул из-за стола.

- Я понимаю, что ты несчастна.

- Нет, Джон. Несчастной я себя не назвала бы. У меня слишком много обязанностей, чтобы позволить себе такую роскошь. Я просто... - я замолчала, потому что голос вдруг дрогнул, и это разозлило меня сильнее, чем всё остальное. - Я просто ужасно по тебе скучаю.

После этих слов в комнате стало так тихо, что я слышала, как за окном ветка коснулась стекла.

Он смотрел на меня, и непроницаемость в его глазах наконец дала трещину.

- Мэри...

- Нет. Дай мне договорить, иначе я снова всё проглочу, разложу по полкам, объясню себе, что так надо, что большие дела требуют жертв, что Джон делает именно то, что обещал. Но я больше не хочу. Я устала скучать по собственному мужу, когда он жив, здоров и находится в соседней комнате.

Он ничего не сказал.

- Помнишь наше свадебное путешествие? - спросила я тише. - Вену, где ты так удивлялся, что я никогда не была в опере. Помнишь, как сказал, что тогда тоже будешь считать, будто впервые идёшь туда по-настоящему, потому что идёшь со мной? Помнишь виноградники Фрэнсиса Грея? Как я повернула лодыжку в этой рощице, а ты нёс меня домой и всё равно целовал, хотя я ругалась и требовала поставить меня на землю?

В его лице что-то изменилось.

- Помню.

- И я помню слишком хорошо. И, боже мой, Джон, я, наверное, сойду с ума, если никогда больше не испытаю этого чувства. Не прогулки, не поцелуев среди лоз, не дурацкой романтики. А чувства, что меня любят так, будто я не приложение к состоянию, не союзник, не партнёр, не человек, который вовремя подпишет бумагу, а женщина. Твоя женщина.

Он резко отвернулся к окну.

Я вдруг испугалась, что сказала слишком много. Что унизилась. Что сейчас он ответит разумно, сдержанно, бережно - и этим окончательно уничтожит меня.

- У тебя кто-нибудь есть? - спросила я почти шёпотом.

Он обернулся так быстро, что я невольно отступила на шаг.

- Что?

- Я спросила...

- Я слышал.

- Тогда ответь.

Впервые за всё время в его глазах вспыхнуло настоящее, не деловое раздражение.

- Если бы у меня была любовница, Мэри, всё было бы гораздо проще.

Я замерла.

- Что это значит?

- Это значит, что у тебя был бы понятный враг. Женщина, имя, адрес, повод для презрения. Ты могла бы решить, что я подлец, что всё разрушено, что тебя предали. Это было бы почти милосердно по сравнению с правдой.

- И какая же правда?

Он медленно выдохнул.

- Правда в том, что никакой женщины нет. Нет тайного дома, нет актрисы, нет вдовы, нет секретарши, которая понимает меня лучше жены. Есть только работа. Контракты. Люди, которые ждут моего решения. Верфи, которые можно поднять или потерять. И обещание, которое я дал тебе десять лет назад.

- Не смей прикрываться мной.

- А кем мне прикрываться, если всё началось с тебя? - в голосе его наконец прорвалась злость. - Ты думаешь, я забыл? Ты стояла передо мной и говорила так, будто видишь впереди целую жизнь: я сделаю тебя женой магната. Это бы-

ло смешно, дерзко, невозможно, но ты поверила. И я поверил, потому что ты смотрела на меня так, словно я уже способен на это.

- Я не просила тебя исчезнуть в этом обещании.

- А я не знал, где остановиться! - резко сказал он. - Ты думаешь, легко однажды понять, что всё, чего ты добиваешься, всё ещё недостаточно? Что каждый новый успех только открывает следующую дверь? Что если я остановлюсь, завтра появится кто-то сильнее, богаче, наглее, и всё, что мы строили, снова окажется под угрозой?

- Под угрозой чего?

- Разрушения.

Я смотрела на него и вдруг поняла: он действительно боится. Не бедности, не потерь, не неудачной сделки. Он боится снова оказаться тем человеком, который стоял когда-то рядом со мной, почти беззащитный перед чужими деньгами, чужими решениями, чужой властью.

- Джон, - сказала я уже мягче, - мы больше не там.

- Я знаю.

- Нет. Не знаешь. Ты всё ещё воюешь с миром, который давно не может нас так легко раздавить.

- Ты уверена?

Я хотела ответить сразу, но не смогла.

Он подошёл ближе.

- Ты видишь во мне холод, Мэри. А я иногда смотрю на тебя и вижу женщину, которая справится с чем угодно. С

любым ударом. С любым скандалом. С любым крахом. Я видел, как ты вытаскивала из долгов целую семью, как принимала решения, от которых у иных мужчин дрожали бы руки. И где-то, наверное, я слишком поверил в твою несокрушимость.

Эти слова ударили неожиданно сильно.

- А ты не подумал, что мне тоже иногда хочется не быть несокрушимой?

Он молчал.

- Я не железная, Джон. Я не машина. Я женщина, которая стареет, устает, ревнует к твоей работе, злится на собственную ревность, смотрит на тебя рядом с Фредерикой и думает какую-то унижительную глупость, а потом ненавидит себя за эту мысль. Я живая.

Он шагнул ко мне вплотную.

- Что ты подумала рядом с Фредерикой?

- Ничего достойного.

- Скажи.

- Нет.

- Мэри.

Я подняла на него глаза.

- Я подумала, что вы красиво смотрите вместе. Доволен? Это было мелко, глупо и недостойно. Она ребёнок почти. Наша девочка. А я просто устала, меня все довели, и ты стоял с ней так спокойно, так уверенно, как когда-то стоял рядом со мной. Вот и всё.

Он долго смотрел на меня.

Потом вдруг тихо рассмеялся - не весело, а как человек, который не знает, что делать с болью и нежностью одновременно.

- Если бы ты знала, как я смотрел на тебя в этот момент.

- Не знаю. Ты давно смотришь так, что ничего нельзя понять.

- Потому что если я позволю себе смотреть на тебя так, как хочу, я не смогу уехать ни на одну встречу.

- Может быть, в этом и смысл.

Он поднял руку и коснулся моей щеки. Очень осторожно, почти спрашивая разрешения. Я могла отстраниться. Более того, разумная часть меня, холодная, обиженная, отлично понимала, что один жест не решает десяти лет молчаливого отдаления. Но тело моё оказалось куда менее благоразумным: я сама повернула лицо к его ладони.

- Я не разлюбил тебя, - сказал он. - Я просто слишком долго доказывал, что достоин тебя, и, кажется, не заметил, как перестал быть рядом.

- А я слишком долго делала вид, что понимаю.

- Ты действительно понимала.

- Да. И именно поэтому теперь так злюсь.

Он наклонился и поцеловал меня.

Сначала почти осторожно, будто после долгой разлуки не был уверен, что имеет право. Но стоило мне ответить, как осторожность исчезла. В его поцелуе вдруг было всё, чего

мне не хватало: нетерпение, боль, злость на потерянное время, та самая жадная нежность, которую я помнила по виноградникам Фрэнсиса Грея, по Вене, по первым годам, когда мы ещё не умели расходиться по разным комнатам.

Я вцепилась в его рубашку, и это было так глупо, так молодо, так не похоже на женщину, которая управляла состояниями и разбиралась в контрактах, что мне хотелось одновременно плакать и смеяться.

Он оторвался от моих губ только затем, чтобы прошептать:

- Господи, Мэри...

- Не смей сейчас говорить о контрактах.

- Я собирался сказать, что люблю тебя.

- Тогда можно.

Он снова поцеловал меня, уже без всякой осторожности, и я окончательно перестала думать о том, сколько месяцев прошло, кто виноват, что надо решить завтра, какие письма ждут ответа, и как много сил потребуется, чтобы вернуть то, что мы почти потеряли. Сейчас были только его руки, его дыхание, его губы у моего виска и внезапное, почти болезненное облегчение: он всё ещё здесь. Не где-то среди бирж, верфей и американских переговоров, не в своём холодном мире цифр, а здесь, рядом со мной.

Позже, когда мы всё-таки прошли в спальню я замедлила шаг и Джон, заметив это, остановился.

- Что?

- Ничего.

- Мэри.

Я посмотрела на него и впервые за долгое время не стала прятать свой страх.

- Я боюсь, что утром всё снова станет как прежде.

Он взял мою руку и поднёс к губам.

- Тогда утром ты напомнишь мне сегодняшний разговор.

- А если не поможет?

- Тогда бросишь в меня чем-нибудь тяжёлым. У Шарлотты в каждой комнате найдётся подходящий предмет.

Я улыбнулась, хотя глаза снова защипало.

- Ты ведь понимаешь, что нам придётся многое менять?

- Понимаю.

- Не обещай легко.

- Я не обещаю легко. Я обещаю постараться.

Почему-то именно это прозвучало честнее любых клятв.

Я вошла в спальню первой, а он закрыл за нами дверь. И когда через несколько минут он лёг рядом, притянул меня к себе и я положила голову ему на плечо, мне показалось, что старый дом Шарлотты, со своими котами, розами, скрипучими половицами и невозможной хозяйкой, сделал для нас больше, чем все наши лондонские дома, кабинеты и роскошные спальни.

Он просто оставил нас вдвоём. А иногда этого оказывается достаточно, чтобы люди наконец услышали друг друга.

Глава 6

Утром меня разбудил запах кофе и голос Шарлотты. Вернее, сначала голос Шарлотты.

- Если этот рыжий негодяй сейчас же не слезет с моих коленей, я официально лишу всех вас имущества, блохастые мои!

Судя по последовавшему невозмутимому мяуканью, рыжий негодяй угрозой не впечатлился.

Я открыла глаза и впервые за долгое время несколько секунд просто лежала, не пытаясь вспомнить список дел на день. Сквозь приоткрытое окно тянуло свежестью сада, где-то внизу перекликались птицы, а рядом спокойно спал Джон. Я невольно улыбнулась.

Ещё вчера вечером мне казалось, что между нами выросла целая пропасть. Сейчас она никуда не исчезла окончательно, но по крайней мере мы снова стояли на одном берегу.

Когда мы спустились вниз, Шарлотта уже ожидала нас в саду.

Вернее, командовала садом.

Она восседала в инвалидном кресле с таким видом, будто это был адмиральский мостик флагманского корабля. Загипсованная нога покоилась на специальной подставке, на коленях лежал кот, а вокруг кресла бродили ещё трое его собратьев.

Увидев нас, Шарлотта всплеснула руками.

- Боже мой. Посмотрите на них. Если бы не моя сломанная нога, я бы сейчас, глядя на вас, немедленно закурила какой-нибудь роман, чтобы у меня так же сияли глаза.

Она окинула нас критическим взглядом.

- Впрочем, нет. Коты надёжнее мужчин, а варенье надёжнее любви.

- Очень романтичное наблюдение, - заметил Джон.

- В моём возрасте романтика должна быть практичной.

- Поэтому вы выбрали пятерых котов?

- Именно поэтому.

Мы рассмеялись.

Джон встал за кресло и неторопливо покатил его по дорожке между клумбами.

Сад действительно выглядел великолепно.

Я помнила его ещё запущенным, когда Шарлотта только перебралась сюда. Теперь здесь всё дышало заботой и любовью хозяйки. Аккуратные дорожки вились между кустами роз, вдоль живых изгородей тянулись лавандовые бордюры, а под окнами старого дома цвели десятки сортов роз, от белоснежных до густо-бордовых.

- Вот этот куст я посадила сама, - сообщила Шарлотта, указывая веером на особенно пышное растение.

- А потом полезли на дерево и сломали ногу? - уточнил Джон.

- Не надо цепляться к деталям. Ветка отбрасывала слиш-

ком много тени.

- Это была довольно существенная деталь.

- Мужчины всегда уделяют слишком много внимания последствиям и слишком мало причинам.

Мы добрались до круглой площадки возле розария, где уже был накрыт завтрак. Белая скатерть слегка колыхалась от ветра, на столе стояли кофейник, чайник, корзинка со свежими булочками, джемы собственного производства Шарлотты и блюдо с фруктами.

Я поймала себя на мысли, что давно не чувствовала такого спокойствия. Не было телефонов. Не было секретарей. Не было людей, требующих решений.

Даже разговор о продаже верфи, который ещё вчера казался почти неизбежным, сейчас отступил куда-то на второй план.

Джон помог Шарлотте устроиться возле стола и сел рядом со мной.

Некоторое время мы завтракали молча. Потом Шарлотта рассказывала о каком-то соседе, который умудрился поссориться одновременно с викарием, мясником и собственной женой. Джон слушал с совершенно серьёзным видом, будто речь шла о важном государственном вопросе.

Я смотрела на них обоих и вдруг поняла, что решение уже созрело. Настолько простое, что сама удивилась, почему не додумалась до него раньше.

- Джон.

Он поднял голову.

- Да?

- А что бы ты сказал, если бы мы действительно поехали в Египет?

Шарлотта мгновенно перестала намазывать булочку джемом.

- Так-так.

Я проигнорировала её. Важнее был ответ мужа.

- Серьёзно. Не когда-нибудь потом. Не через год. Не после следующего контракта или следующей сделки. Сейчас.

Джон внимательно посмотрел на меня. Я видела, как в его глазах мелькнула знакомая настороженность человека, который автоматически начинает искать причины отказать.

Поэтому я продолжила раньше, чем он успел заговорить.

- Модно это или немодно, мне совершенно всё равно. Если тебе так важно обсуждение продажи верфи, мы вернёмся к нему после путешествия. Если нужно будет говорить о новых проектах, будем говорить о них потом. Но сейчас я хочу, чтобы мы хотя бы попытались понять,

остались ли ещё мужем и женой, а не двумя людьми, которые время от времени подписывают одни и те же документы.

На этот раз молчание затянулось. Даже Шарлотта ничего не сказала.

Она переводила взгляд с меня на Джона с выражением человека, который наблюдает за очень интересным спектаклем.

Наконец Джон поставил чашку на блюде.

- И сколько времени ты собираешься провести в Египте?

Я почувствовала, как внутри что-то радостно дрогнуло.

Не «нет». Не «это невозможно». Не список причин. Во-

прос.

- Столько, сколько потребуется.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

- Это очень опасный ответ для человека, который управляет несколькими предприятиями.

- А для человека, который вот-вот станет магнатом?

- Ещё опаснее.

Шарлотта хлопнула в ладоши.

- Правильно! Наконец-то в этом доме прозвучала хоть одна разумная мысль.

Она подняла палец.

- Дети мои, сколько можно жить одними делами? Вы уже десять лет носитесь по своим конторам так, будто собираетесь лично перестроить Британскую империю.

- Мы просто работаем, - возразил Джон.

- Именно! А нормальные люди иногда ещё и живут.

Она мечтательно вздохнула.

- Эх, была бы я лет на сорок моложе, я бы сама сейчас отправилась в Египет.

- С котами? - уточнила я.

- Разумеется. Не оставлять же их здесь без присмотра.

- Боюсь представить лица египтян.

- Они были бы счастливы познакомиться с культурными английскими котами.

Я рассмеялась.

Джон покачал головой, но на этот раз в его взгляде не было ни усталости, ни раздражения.

Только какая-то неожиданная лёгкость. И впервые за долгое время мне показалось, что впереди нас ждёт не очередной список обязанностей, а настоящее приключение.

Обратно в Лондон мы возвращались в таком настроении, какого у нас не было уже много лет.

Наверное, со стороны это выглядело смешно. Двое взрослых людей, давно состоящих в браке, переживали что-то очень похожее на второй медовый месяц. Во всяком случае, именно так это назвала Шарлотта, когда провожала нас.

- Только попробуйте передумать насчёт Египта, - пригрозила она напоследок. - Тогда я сама приеду в Лондон и лично отправлю вас на пароход.

И почему-то я ни секунды не сомневалась, что она действительно способна осуществить эту угрозу.

Лондон встретил нас привычным шумом, письмами, телефонными звонками и делами, которые за несколько дней отсутствия успели размножиться с поразительной скоростью. Но теперь всё это воспринималось иначе.

Вечером второго дня Джон вошёл в мой кабинет без стука, что уже само по себе было необычно.

- Я поговорил с управляющими.

- И?

- Они выживут без меня.

- Какая неожиданность.

Он усмехнулся и сел напротив.

- Знаешь, только сейчас я действительно созрел для этой поездки.

Я отложила бумаги.

- Для Египта?

- Для того, чтобы наконец перестать искать причины её откладывать.

Несколько секунд он молчал.

- И ещё для того, чтобы признать очевидное.

- Что именно?

- Что я не хочу тебя потерять.

В его голосе не было пафоса. Именно поэтому я поверила каждому слову.

- Не потеряешь, - тихо ответила я.

- Ещё недавно я был не так уверен.

Я потянулась через стол и накрыла его руку своей.

- Тогда давай сделаем всё правильно.

Следующие дни оказались посвящены именно этому.

Нужно было решить десятки вопросов.

Я вызвала Грету.

Она вошла в кабинет с таким видом, будто заранее знала, что сейчас ей предложат дополнительную работу.

- Нет, - сказала она с порога.

- Я ещё ничего не сказала.

- Зато я тебя знаю.

В итоге через час она всё-таки подписывала бумаги, получая доверенность на управление большей частью текущих дел.

- Если вы вернётесь и обнаружите, что я продала половину ваших предприятий, не говорите, что я вас не предупредила.

- Если ты продашь их выгодно, я ещё и поблагодарю. Только не наши верфи.

- Вот поэтому я тебя и боюсь, вернее принимать такие решения, - вздохнула Грета.

Фред воспринял новость о нашем отъезде гораздо проще.

- Главное, не привезите домой крокодила.

- Почему именно крокодила?

- Потому что льва вы всё равно не довезёте.

Следующим пунктом стала встреча с Каролиной.

Я специально пригласила её в Лондон вместе с сыном.

Мальчик за последние годы заметно вырос. В нём всё сильнее проступали черты Лонгширов, и каждый раз это вызывало у меня странное чувство.

Мы сидели в малой гостиной. Каролина держалась гораздо спокойнее, чем раньше. Материнство удивительным образом изменило её. Остались амбиции, осталась гордость, но исчезла та отчаянная готовность бороться со всем миром любыми доступными средствами.

Я передала ей папку с документами.

- Здесь очередной платёж на образование. И средства на ближайший год.

Она долго смотрела на бумаги. Потом подняла на меня глаза.

- Спасибо.

Я кивнула.

На несколько секунд повисло молчание.

Потом Каролина всё-таки решилась.

- Мэри... а нельзя ли всё ещё попробовать решить вопрос через суд?

Я сразу поняла, о чём речь.

- Нет.

- Но он ведь сын Реджинальда.

- Да.

- Тогда почему?

- Потому что это не мне решать.

Она нахмурилась.

- Ты тоже его дочь.

Я невольно улыбнулась.

- И тем не менее.

Каролина не поняла.

Я продолжила спокойнее:

- Всё, что касается наследства Лонгширов, однажды должны будут решить сами дети. Фред. Грета. Фредерика. Они выросли вместе. Они знают эту историю. И они имеют на это

право больше, чем кто-либо другой.

- А если они откажут?
- Тогда это будет их решение.
- Но ты могла бы повлиять на них.
- Могла бы.
- И не станешь?

Я покачала головой.

- Нет.

Каролина долго молчала.

Потом неожиданно сказала:

- Иногда мне кажется, что ты гораздо добрее, чем хочешь казаться.

- Не распространяй эту клевету.

Она впервые за весь разговор рассмеялась. Когда они ушли, я ещё некоторое время стояла у окна.

Потом почувствовала знакомые руки на своих плечах. Джон, любимый.

- Всё решила?

- Почти.

- Тогда остался последний пункт.

И этим последним пунктом оказался порт.

Утро выдалось прохладным и ветреным.

На причале царило оживление. Матросы переносили багаж, пассажиры прощались с родственниками, кто-то смеялся, кто-то плакал, кто-то уже предвкушал путешествие.

Наш пароход возвышался над причалом огромной белой

громადой. Я подняла голову.

Когда-то подобное путешествие показалось бы мне невероятной роскошью.

Теперь оно казалось началом чего-то гораздо более важного.

- Готова? - спросил Джон.

Я посмотрела на него. На мужчину, которого любила в единственный раз за обе свои жизни.

На мужчину, с которым за последние годы успела и потерять близость, и почти заново её обрести.

На мужчину, с которым собиралась провести ближайшие месяцы вдали от всех.

- Да, - ответила я.

Он взял меня под руку. Мы поднялись по трапу.

На палубе уже суетились пассажиры, стюарды показывали каюты, где-то над головой кричали чайки.

За спиной медленно отдалялся Лондон. Впереди лежало море. Египет. Неизвестность. И новая глава нашей жизни.

Тогда, стоя рядом с Джоном у борта и наблюдая, как город постепенно растворяется в утренней дымке, я была уверена, что наконец поступаю правильно.

Если бы я только знала, какое испытание готовила нам эта поездка.

Глава 7

Проснувшись на следующее утро, я не сразу вспомнила, где нахожусь. Последние десять лет приучили меня открывать глаза с ощущением, что день уже начался без моего участия и где-то непременно ждёт ворох дел, требующих немедленного вмешательства.

Обычно ещё до завтрака я успевала мысленно просмотреть расписание встреч, вспомнить о нескольких неприятных разговорах, отложенных на потом, и прикинуть, сколько часов удастся выкроить для продуктивной работы без этой возни.

Теперь же вместо привычного гула мыслей, голова была чуть ли не пустая. Стояла тишина, нарушаемая лишь едва уловимым шумом судовых машин и мягким покачиванием корабля.

Некоторое время я лежала неподвижно, разглядывая потолок и прислушиваясь к собственным ощущениям. Только потом память наконец подсказала очевидное: Лондон остался далеко позади. Мы уже находились в море, и впереди нас ожидали недели путешествия, в течение которых никто не собирался обсуждать со мной состояние верфи, спорные пункты контрактов или очередную семейную драму. Эта мысль показалась настолько привлекательной, что я даже испытала лёгкое беспокойство.

Рядом спал Джон. Родное, любимое его лицо было безмятежным. В последние годы мне слишком редко доводилось видеть его таким. Обычно он уходил раньше меня или возвращался тогда, когда я уже спала. Даже когда мы находились в одном доме, создавалось ощущение, будто между нами постоянно стоят десятки людей, сотни дел и тысячи обязанностей. Теперь же впервые за долгое время никто не требовал его внимания. Не звонили секретари. Не ждали управляющие. Не приходили письма с пометкой «срочно». Как же хорошо

Я осторожно поднялась с постели, стараясь не разбудить его и подошла к большому окну.

Море выглядело именно так, как его описывают в романах, но почему-то никогда не замечают в повседневной жизни. Оно было бесконечным. Спокойным. Равнодушным к человеческим заботам. За последние годы я настолько привыкла видеть из окна либо улицы Лондона, либо территории предприятий, либо бесконечную суету портов, что эта ровная линия горизонта казалась почти нереальной.

- Если ты пытаешься подсчитать стоимость корабля, то предупреждаю сразу: я не знаю цифр.

Голос Джона заставил меня обернуться.

Он лежал, закинув руки за голову, и наблюдал за мной с улыбкой.

- С чего ты решил, что я считаю стоимость корабля? Вообще-то мы их строим и я могу с точностью до пфеннига

сказать тебе его стоимость. Очень дорогая лодочка.

- Потому что за последние десять лет я достаточно хорошо тебя изучил.

- Неправда.

- Правда.

Мы, конечно, больше играли, чем спорили. Это была лёгкая болтовня.

- Тогда серьёзно: о чём я думаю?

- О том, сколько людей обслуживают этот лайнер и во сколько обходится их содержание.

Я рассмеялась.

Он угадал почти точно - думала я об этом вчера.

- Нет, любовь моя, сейчас я просто наслаждалась покоем, чудесное состояние.

Через час мы уже завтракали в небольшой гостиной наших апартаментов. Даже мысленно я не могла называть их каютой. Каюта представлялась мне тесным помещением с узкой кроватью и маленьким иллюминатором. Здесь же всё больше напоминало дорогой номер лучшего столичного отеля.

Стюард накрыл стол с таким изысканным вкусом, словно ожидал визита королевской семьи. Белоснежная скатерть, серебряный кофейник, хрустальные бокалы для сока, свежая выпечка, несколько видов джема и нарезанные фрукты. Изящный букетик кремовых лилий.

- Знаешь, что меня поражает больше всего? - спросила я,

наливая кофе.

- Попробую угадать. Не корабль.

- Не корабль.

- Не роскошь.

- Тоже нет.

- Тогда сдаюсь.

Я обвела рукой стол.

- Люди, которые живут так постоянно.

Джон вопросительно посмотрел на меня.

- Разве мы не относимся к их числу?

- Нет.

- Почему?

- Потому что мы всё время заняты тем, чтобы зарабатывать деньги, а не получать от них удовольствие.

Он задумался.

- Пожалуй, в этом что-то есть.

- Я серьёзно. Посмотри вокруг. Все эти люди путешествуют, отдыхают, знакомятся друг с другом, обсуждают искусство, политику, археологию. А мы последние десять лет говорили только о делах.

- Не только.

- Почти только.

Он не стал спорить.

После завтрака мы отправились исследовать корабль, и довольно скоро я начала понимать, почему путешествия на подобных лайнерах считались событием, о котором потом

вспоминали годами. Здесь существовал собственный маленький мир, совершенно не похожий на жизнь на суше. Люди, которые в Лондоне никогда бы не встретились друг с другом, здесь неизбежно оказывались соседями по палубе, собеседниками за ужином или партнёрами по карточному столу.

На главной палубе было многолюдно. Дамы в светлых утренних платьях неспешно прогуливались вдоль борта, джентльмены читали газеты или курили сигары, несколько детей гонялись друг за другом под недовольные окрики гувернанток. В воздухе смешивались запах моря, дорогого табака и свежей выпечки, доносившийся из ресторана.

Неподалёку от нас пожилая супружеская пара вела спор, который, судя по всему, продолжался уже не первый десяток лет.

- Я до сих пор считаю, что Италия была бы значительно разумнее Египта, - заявила дама, поправляя шляпку.

- Элеонора, мы были в Италии семь раз.

- И каждый раз прекрасно проводили время.

- Именно поэтому пора увидеть что-то новое.

- В моём возрасте новое уже вызывает подозрения.

Мужчина тяжело вздохнул.

- Иногда мне кажется, что ты способна спорить даже с прогнозом погоды.

- Если он ошибается, то почему нет?

Джон тихо рассмеялся.

- Напомни мне никогда не вступать с тобой в дискуссии

через сорок лет брака.

- Напомни мне, чтобы я не превратилась в гримзу через столько лет.

Он посмотрел на меня с таким видом, будто всерьёз обдумывал эту перспективу.

К обеду атмосфера на корабле окончательно изменилась. Исчезла первоначальная скованность, свойственная людям в первый день знакомства. Теперь пассажиры уже узнавали друг друга, приветствовали кивками и охотно вступали в разговоры.

За соседним столом американский промышленник рассказывал о строительстве новой железнодорожной линии, убеждая слушателей, что будущее принадлежит тем, кто научится соединять континенты торговлей.

Чуть дальше молодой археолог увлечённо объяснял группе дам, почему находки в Египте способны перевернуть представления о древнем мире. Судя по выражению лиц слушательниц, археолог интересовал их значительно больше, чем сам древний мир.

Именно тогда я впервые увидела её. Сначала лишь мельком.

Она сидела через несколько столиков от нас и совершенно не старалась привлекать внимание. Возможно, именно поэтому я её и заметила.

Вокруг было немало красивых женщин. Некоторые словно соревновались друг с другом количеством бриллиантов,

жемчуга и драгоценных камней. Платья менялись несколько раз в день. Шляпки напоминали произведения искусства. Рядом с ними незнакомка выглядела почти просто.

Почти. Потому что простота эта стоила значительно дороже любой показной роскоши.

На ней было платье глубокого винного оттенка, сшитое настолько безупречно, что взгляд невольно задерживался на его линиях. Украшений почти не было. Лишь кольцо с крупным прозрачным камнем на правой руке. Но создавалось впечатление, что она носит его не как драгоценность, а как нечто привычное, давно ставшее частью её самой.

Однако привлекла меня не внешность. Привлекли люди.

За время обеда к её столику подошли капитан, владелец судоходной компании, банкир из Манчестера и какой-то француз, чьё имя я уже слышала накануне за ужином. Никто из них не пытался произвести впечатление. Никто не заигрывал. Никто не демонстрировал превосходство.

Они разговаривали с ней как с равной. Именно это заставило меня посмотреть внимательнее.

- Кажется, ты нашла кого-то интереснее меня, - заметил Джон.

Я не стала отрицать очевидное.

Потому что впервые за всё путешествие мне действительно стало любопытно узнать, кто эта женщина.

Некоторое время я ещё наблюдала за незнакомкой, пытаюсь понять, что именно привлекло моё внимание. Красивых

женщин на корабле хватало. Богатых - тем более. Однако эта дама выделялась среди них так же заметно, как породистая лошадь выделяется среди хороших скакунов. Не яркостью. Не желанием понравиться. А каким-то внутренним спокойствием человека, давно знающего себе цену.

- Джон, как ты думаешь, будет уместно подойти и познакомиться? - спросила я наконец.

Он проследил за моим взглядом и слегка улыбнулся.

- А почему нет? По-моему, половина пассажиров именно этим и занимается.

С этими словами он поднялся первым и подал мне руку.

Я невольно улыбнулась. В такие минуты мне особенно нравилось, что Джон никогда не любил лишних сомнений. Если что-то можно было сделать прямо сейчас, он предпочитал не откладывать.

Когда мы приблизились к столику, женщина подняла голову и посмотрела на нас с тем спокойным вниманием, которое сразу располагало к себе.

- Добрый день, - первым заговорил Джон. - Приятного вам аппетита и хорошего дня. Погода сегодня просто великолепная.

На губах женщины появилась лёгкая улыбка.

- Благодарю. И вам того же. День действительно чудесный. Ни ветерка, море словно зеркало.

Пока они обменивались этими вполне обычными любезностями, я получила возможность рассмотреть её ближе.

На первый взгляд ей можно было дать около сорока лет, хотя приглядевшись внимательнее, я решила, что она, вероятно, немного старше. Однако возраст совершенно её не портил. Напротив, именно он придавал её лицу ту завершённую, которой часто недостаёт молодым красавицам. Правильные черты, высокий лоб, мягкая линия подбородка и удивительно ясные серые глаза.

Но больше всего привлекала не красота. Привлекало достоинство.

Не холодная надменность, которую нередко принимают за аристократизм, а именно достоинство человека, которому ничего не нужно доказывать окружающим. Она держалась так естественно, будто дорогие рестораны, океанские лайнеры, крупные сделки и знакомства с влиятельными людьми были для неё такой же обыденностью, как для других утренний чай.

- Прошу вас, присаживайтесь, - сказала она, заметив, что мы собираемся продолжить путь. - У меня свободно. Я никого не жду.

Мы поблагодарили и заняли места за её столиком.

- Джон Блант, - представился мой муж. - А это моя супруга, Мэри.

- Очень приятно.

Женщина протянула руку сначала ему, потом мне.

- Эвелин Харт.

Имя показалось знакомым.

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить, где могла его слышать.

И тут память услужливо подсказала. Харт. Транспортная компания Харт. Гостиничная сеть в Александрии.

Статья в одной из деловых газет, которую я читала года три назад, при этом запомнила только фамилию.

Я быстро посмотрела на Джона и поняла, что он вспомнил то же самое. В его взгляде мелькнуло узнавание.

Похоже, это заметила и сама мисс Харт.

- Судя по выражению ваших лиц, моя фамилия всё-таки вам знакома.

- Теперь вспомнил, - ответил Джон. - Признаться, я ожидал увидеть рядом с этим именем какого-нибудь сурового джентльмена с сигарой.

- Я тоже, - поддержала я.

Эвелин рассмеялась. Смех у неё оказался неожиданно тёплым.

- Поверьте, большинство моих конкурентов испытывают ту же растерянность.

Разговор потёк легко и непринуждённо. Мы говорили о путешествии, о Египте, о корабле, о маршруте. Эвелин рассказывала о Средиземном море с такой уверенностью, будто бывала здесь десятки раз.

Возможно, так оно и было.

- Для вас это первое путешествие в Египет? - спросила она.

- Да, - ответила я. - Мы слишком долго собирались.

- Это всегда так. Люди годами откладывают поездки, которые потом вспоминают с наибольшей теплотой.

- А вы часто там бываете?

- Достаточно часто, чтобы считать Александрию вторым домом.

Мне показалось, что за этой фразой скрывается куда более длинная история, но спрашивать было бы невежливо.

Эвелин сделала небольшой глоток кофе и неожиданно перевела взгляд на меня.

- Знаете, миссис Блант, а ведь я слышала о вас. Вы ведь урождённая Лонгшир?

Я почувствовала лёгкое удивление.

- Обо мне?

- Разумеется. Вы ведь та самая эксцентричная англичанка, которая в совсем юном возрасте решила заняться семейными делами вместо того, чтобы заниматься тем, чем обычно занимаются молодые девушки.

Мне стало немного неловко. Не потому, что слова были неприятными. Скорее потому, что я никогда не думала о себе как о человеке, которого обсуждают аж в другой стране.

- В пересказе эта история звучит гораздо интереснее, чем была на самом деле.

- Все хорошие истории таковы, - улыбнулась Эвелин. - Однако должна признаться, что тогда я прочитала о вас с большим интересом.

- И почему же?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

- Потому что женщины редко получают возможность принимать серьёзные решения. А ещё реже - пользуются этой возможностью.

На мгновение за столом воцарилась тишина. Я заметила боковым зрением, как Джон повернул голову в мою сторону. Наверное, он ждал моего ответа не меньше, чем сама Эвелин.

Но почему-то мне вдруг показалось, что эта женщина говорит не только о прошлом.

Будто она уже увидела во мне что-то, чего я сама ещё не замечала. Впрочем, в следующий момент она снова улыбнулась, и напряжение исчезло так же быстро, как возникло.

Разговор продолжился. И слушая Эвелин Харт, я всё чаще ловила себя на мысли, что это знакомство окажется гораздо важнее, чем мне показалось в первую минуту.

Глава 8

После нашего знакомства с Эвелин, жизнь на корабле как будто приобрела новый смысл, хотя я не сразу призналась себе в этом. До того дня лайнер был для меня великолепной, дорогой игрушкой, созданной для людей, которые умели превращать само существование в череду удобств, ужинов, прогулок, карточных партий и неторопливых разговоров.

Теперь же среди этой роскоши появился человек, ради которого мне захотелось внимательнее слушать не только музыку в салоне и светские сплетни за соседними столиками, но и то, о чём говорили мужчины, когда считали, что женщины рядом просто украшают беседу.

Эвелин, как выяснилось, умела слушать так, что собеседник невольно начинал говорить больше, чем собирался. Она не перебивала, не торопила, не стремилась вставить умную фразу раньше времени, но стоило ей задать один короткий вопрос, как весь разговор вдруг менял направление.

За обедом на следующий день полноватый джентльмен из Манчестера долго рассказывал Джону о трудностях перевозки хлопка через Средиземное море, жаловался на задержки, таможенные сборы, ненадёжных посредников и плохую осведомлённость местных агентов, а Эвелин, которая сидела рядом со мной и, казалось, лишь рассеянно попивала кофе,

вдруг подняла глаза и спросила:

- Скажите, мистер Уоллес, а ваши люди проверяют груз до погрузки или только после прибытия?

Вопрос прозвучал почти небрежно, но мистер Уоллес замолчал так резко, что казалось поперхнулся.

- Разумеется, после прибытия, - ответил он наконец. Эвелин улыбнулась и сказала:

- Тогда вы платите не за перевозку, а за собственную доверчивость. В Александрии у меня есть управляющий, который не выпускает груз со склада, пока не знает, кто именно за него отвечает на каждом участке пути. Поверьте, это обходится дешевле, чем потом искать виновных среди людей, которые чудесным образом забывают английский язык при первом упоминании денег.

Джон в этот момент посмотрел на неё. Взгляд был особенным. Не любовным, нет. Даже не мужским в обычном смысле слова. Это был взгляд человека, встретившего равного по масштабу собеседника, и именно он почему-то оказался для меня острее всякой кокетливой улыбки.

Я почти физически почувствовала, как между ними возникла тонкая, натянутая нить интереса. Впрочем, было бы глупо винить в этом Эвелин. Она не пыталась очаровывать Джона, во всяком случае не так, как это делали женщины на приёмах в Лондоне, когда начинали смеяться чуть громче, чем требовалось, стоило ему войти в комнату. Эвелин вообще, казалось, не нуждалась в том, чтобы кто-либо был ею

очарован. И, возможно, именно поэтому очарование возникло само.

Первые два дня пути прошли в этом странном, почти праздничном состоянии. Утром мы завтракали то у себя, то на палубе, где официанты в белых куртках разносили кофе, фрукты, горячие булочки и газеты, а дамы, закутанные в лёгкие шали, спорили о том, кому больше идёт солнце, а кому - тень.

Днём пассажиры расходились по своим занятиям: кто-то читал, кто-то играл в шаффлборд, кто-то писал письма, которые должны были отправить при первой остановке, кто-то, как пожилая миссис Баркли, ежедневно находил новую причину сожалеть, что вместо Египта не выбрал более безопасное место.

- В Шотландии, по крайней мере, я знаю, чего ожидать, - сказала она однажды своей подруге миссис Уитмор.

Та, не отрываясь от вышивки, ответила:

- Именно поэтому ваш муж и везёт вас в Египет, дорогая. Человеку иногда хочется увидеть на лице жены новое выражение.

Вечерами корабль превращался в настоящий плавучий дворец. Женщины появлялись в платьях, которые меняли настроение зала так же, как и музыка; мужчины становились строже, моложе и самоувереннее в вечерних костюмах; повсюду звенели бокалы, бесшумно скользили официанты, в курительном салоне говорили о политике, в карточной ком-

нате проигрывали суммы, на которые приличная семья могла бы прожить год, а в музыкальном салоне молодая итальянка с голосом, слишком серьёзным для её беззаботного лица, пела так, что даже самые разговорчивые дамы на несколько минут забывали о сплетнях.

Мне всё это казалось одновременно прекрасным и почти неприличным. Я ловила себя на том, что наслаждаюсь каждым мгновением: прохладой бокала в руке, запахом дорогих духов, бликами на серебре, смехом Джона, который за эти дни стал звучать чаще, чем за последние месяцы в Лондоне. И тут же какая-то старая, упрямая часть меня начинала ворчать, что взрослый человек не может проводить жизнь, только наслаждаясь шелестом шёлка и вкусом шампанского. Но я всё чаще одёргивала эту часть себя и думала, что, возможно, беда вовсе не в роскоши, а в том, что я слишком долго считала любое удовольствие подозрительным, если оно не было заслужено тяжёлой работой.

К третьему дню я уже знала, что следующим утром мы должны увидеть Гибралтар. Об этом говорили все, и каждый по-своему. Полковник Хеммингс, сухой, краснолицый, с белыми усами и привычкой говорить так, будто командует полком даже за завтраком, уверял, что Гибралтар следует рассматривать только с точки зрения военной истории.

Молодой археолог мистер Лоуэлл, направлявшийся в Египет с рекомендательными письмами к людям, чьи фамилии он произносил с благоговением, возражал, что любая

крепость интересна прежде всего тем, сколько цивилизаций успело пройти через её камни. Американская девушка мисс Милдред Фостер, у которой было столько шляп, что её горничная, вероятно, путешествовала не с хозяйкой, а больше с гардеробом, спросила за ужином:

- А там есть приличные магазины?

На что полковник с ужасом посмотрел на неё и сказал, что в некоторых местах имеются вещи поважнее магазинов. Милдред совершенно серьёзно ответила, что именно поэтому эти некоторые места и выглядят так уныло.

Эвелин слушала этот обмен репликами с ленивой улыбкой, а потом сказала мне вполголоса:

- Американки часто кажутся англичанам слишком прямыми, но я иногда думаю, что это просто экономит время.

Я спросила, считает ли она себя американкой прежде всего, и Эвелин задумалась.

- По паспорту - да. По привычкам - не всегда. По делам - там, где выгоднее быть в данный момент. Это, вероятно, звучит чудовищно непатриотично.

Я ответила, что деловые люди редко могут позволить себе роскошь мыслить только патриотическими штампами.

Она посмотрела на меня с явным интересом и сказала: - Вот поэтому я и хотела с вами познакомиться, миссис Блант. Большинство женщин на вашем месте сказали бы что-нибудь о долге, родине и приличиях. Вы сразу заговорили о выгоде.

Я не знала, считать это комплиментом или диагнозом,

но Джон, сидевший напротив, усмехнулся и заметил: -Мэри иногда говорит о выгоде так, будто это одна из добродетелей.

Эвелин перевела взгляд на него и спокойно ответила:

-А разве нет? Выгода, по крайней мере, честнее благородных намерений, когда речь идёт о деле.

Утром, когда нам объявили о приближении к Гибралтару, почти все пассажиры поднялись на палубу. Воздух был прозрачным, солнце ещё не успело стать тяжёлым, и знаменитая скала возникла впереди не сразу, а как будто постепенно проявилась из светлой морской дымки.

Вокруг зазвучали восторженные голоса. Кто-то тут же начал объяснять соседям стратегическое значение пролива, кто-то просил подать бинокль, кто-то сетовал, что горничная принесла не ту шляпу для такого важного зрелища.

Я стояла у перил рядом с Джоном и Эвелин и неожиданно чувствовала себя почти счастливой. Не потому, что вид был красив, хотя он действительно был красив.

Скорее потому, что движение вперёд наконец стало ощутимым. Лондон, семейные дела, тревоги, недосказанности - всё это не исчезло, но отступило достаточно далеко, чтобы я могла увидеть перед собой не только обязанности, но и возможность.

- Впечатляет? - спросила Эвелин.

Я кивнула.

- Да. Хотя я, наверное, смотрю не совсем на то, на что остальные.

Она приподняла бровь.

- И на что же?

Я немного помолчала, подбирая слова.

- На ворота. Не на крепость, не на скалу, а именно на ворота. Мы будто выходим из одного мира в другой. Эвелин улыбнулась, но не насмешливо, а понимающе. - Тогда вы уже думаете как человек, который собирается не просто путешествовать. Вы собираетесь что-то найти. Джон повернулся ко мне, и я почувствовала его взгляд. - Может быть, - сказала я. - Пока я сама не знаю что.

В Гибралтаре лайнер задержался ненадолго, но этого оказалось достаточно, чтобы пассажиры успели сойти на берег, размять ноги и создать на узких улицах маленькое нашествие белых платьев, соломенных шляп, тростей, зонтиков и английских голосов.

Мы с Джоном и Эвелин оказались в одной группе скорее случайно, хотя, если быть честной, случайность эта была слишком удобной, чтобы я стала ей сопротивляться.

Полковник Хеммингс взял на себя роль добровольного экскурсовода и немедленно начал рассказывать о военных укреплениях, но Милдред Фостер уже через пять минут отвлекла половину дам витриной с кружевами ручной работы, а мистер Лоуэлл в восторге замер у старого камня, который, по его мнению, «мог многое рассказать, если бы люди умели правильно задавать вопросы». Эвелин, глядя на всё это, заметила, что камни обычно молчат гораздо разумнее людей,

и Джон рассмеялся так живо, что я невольно посмотрела на него.

Это было то самое живое выражение, по которому я успела соскучиться. В нём не было усталости, не было тяжести последних лет, не было привычной деловой настороженности. И мне вдруг стало больно и радостно одновременно: больно оттого, что другой человек так легко вызвал в нём этот свет, и радостно оттого, что свет всё ещё был возможен.

Я не хотела ревновать. Ревность казалась мне мелкой, недостойной, почти глупой рядом с тем интересом, который вызывала у меня сама Эвелин. Но человек редко выбирает, какие чувства ему позволительны. Он может только решить, что с ними делать.

Мы зашли в небольшое кафе, где под тентом стояли круглые столики, а официант, говоривший на смеси английского и испанского, предложил нам кофе, сладкое вино и миндальное печенье.

Полковник Хеммингс отказался от вина, предпочитая шампанское, Милдред немедленно заказала две порции печенья, потому что «в путешествии невозможно быть разумной каждый день», а Эвелин, едва пригубив кофе, сказала, что в Александрии его готовят лучше.

Джон спросил, часто ли она бывает в Александрии, и разговор почти незаметно перешёл к делу.

- Достаточно часто, чтобы понимать, как много англичане там теряют из-за собственной самоуверенности, - ответила

она.

- Теряют деньги? - уточнил Джон.

- Деньги, время, связи, влияние. Иногда всё вместе. Они приезжают туда с уверенностью, что имя и капитал откроют им любую дверь, а потом удивляются, что за каждой дверью уже стоит кто-то, кто знает местные правила лучше.

Я спросила, трудно ли женщине вести там дела. Эвелин посмотрела на меня внимательно, как будто ждала именно этого вопроса.

- Трудно. Но не труднее, чем в Лондоне или Нью-Йорке. Просто препятствия называются иначе. В Европе мужчину раздражает, что женщина распоряжается деньгами. В Египте его раздражает, что она распоряжается людьми. Разница не так уж велика.

Эта фраза осталась со мной на весь день - я очень задумалась об этом.

Когда мы вернулись на корабль и двинулись дальше, оставляя Гибралтар позади, я всё ещё думала о ней. Эвелин не произносила ничего вызывающего. Она не говорила о правах женщин, не жаловалась, не требовала признания, не пыталась казаться необычной. Она просто жила так, словно давно перестала спрашивать разрешения у кого-либо. И это производило куда большее впечатление, чем любые громкие речи.

Вечером за ужином капитан посадил нас неподалёку друг от друга, и разговор продолжился почти естественно, будто

мы были знакомы не несколько дней, а значительно дольше.

Мистер Уоллес снова заговорил о перевозках, полковник Хеммингс попытался вернуть беседу к военной истории, Милдред Фостер пожаловалась, что Гибралтар оказался недостаточно романтичным, а Эвелин, выслушав всё это, вдруг повернулась ко мне и сказала:

- Вы обещали как-нибудь рассказать мне о своих методах работы, миссис Блант. О том, как совсем юная женщина сумела удержать дела семьи, которая, насколько я понимаю, была не в лучшем положении.

Я усмехнулась.

- Боюсь, в моих методах не было ничего изящного. Я просто читала всё, что попадалось под руку, задавала неудобные вопросы и не стеснялась выглядеть глупо перед людьми, которые надеялись, что я останусь глупой. Эвелин засмеялась.

- Это уже метод.

Джон, глядя на меня, добавил:

- И весьма действенный. Некоторые до сих пор не оправились.

Я посмотрела на него с притворным укором, но внутри мне было тепло от того, что он сказал это не с усталостью, а с гордостью.

Позже, когда ужин закончился и часть пассажиров переместилась в музыкальный салон, мы втроём задержались на палубе. Ночь была тёплой, море - почти неподвижным, а корабль шёл на юг, к Мальте, Порт-Саиду и той новой жизни,

которую я пока ещё не умела назвать. Эвелин стояла у перил, держа в руке бокал, и рассказывала о том, как однажды из-за ошибки агента её груз задержался в Александрии почти на месяц.

- После этого я перестала полагаться на людей только потому, что их рекомендовали уважаемые господа, - сказала она.

- И что вы сделали? - спросила я.

- Нашла другого агента. Потом купила склад. Потом поняла, что выгоднее иметь не склад, а всю цепочку.

Джон внимательно слушал. Я тоже. В этих словах не было хвастовства, но была та редкая ясность, с которой человек рассказывает не о победах, а о собственном пути.

- Вы говорите о деле почти как о живом существе, - сказала я.

Эвелин повернула голову и улыбнулась.

- А разве большое дело не живое? Оно растёт, болеет, сопротивляется, требует внимания, иногда предаёт, иногда спасает. Разница только в том, что люди чаще признаются в любви друг к другу, чем к тому, что построили собственными руками.

Джон сказал, что это, пожалуй, самая точная фраза о предпринимательстве, которую он слышал за последние годы, и Эвелин посмотрела на него так, как смотрят на человека, который не просто понял слова, а услышал стоящую за ними жизнь.

Я стояла рядом с ними и ощущала, как во мне одновременно поднимаются два совершенно разных чувства. Одно было чистым восторгом.

Я давно не встречала женщину, с которой мне хотелось говорить так много и так долго.

Другое было тоньше, неприятнее и потому сильнее. Рядом с Эвелин Джон становился тем, кого я когда-то полюбила: живым, голодным до идей, способным загораться от чужой мысли. Возможно, в этом не было никакой опасности. Возможно, наоборот, именно ради этого мы и отправились в путешествие: чтобы снова почувствовать в себе жизнь. Но когда Эвелин, прощаясь, слегка коснулась бокалом края моего бокала и сказала, что с нетерпением ждёт наших следующих разговоров, я вдруг поняла, что наше путешествие перестало быть только нашим с Джоном вторым медовым месяцем.

Теперь в нём появилась третья сила. Не враг, не соперница и не случайная знакомая, а женщина, которая каким-то непостижимым образом за несколько дней сумела войти в пространство между нами, не нарушив ни одного правила приличия.

И самое странное заключалось в том, что я сама не хотела, чтобы она из него исчезала. Но предчувствие, что что-то не так не отпускало меня.